

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. А.А.ЖДАНОВА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУР
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Тезисы и доклады
восьмой научной конференции
Ленинград, 1978 год

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
Москва – 1978

О.Л.Фишман

О РАЗНОВИДНОСТЯХ И ФУНКЦИЯХ ЦИТАТ В ДВУХ СБОРНИКАХ
БИЦЭИ

Необычайность языка "Ляо Чжай чжи-и" ("Странных историй Ляо Чжая") отмечалась многими исследователями и переводчиками этого сборника; наиболее точные и исчерпывающие характеристики языка Пу Сун-лина дал акад. В.М.Алексеев, подчеркнувший, в частности, "ту восхищающую китайца двойственность, которая состоит из простых понятий, подлежащих, казалось бы, выражению простыми же словами, но для которых писатель выбирает **слова-намёки**, взятые из обширного запаса литературной учености и понимаемые только тогда, когда читателю в точности известно, откуда взя-

то данное слово или выражение, что стоит впереди и позади его, одним словом – в каком соседстве оно находится, в каком стиле и смысле употреблено на месте и какова связь его настоящего смысла с текущим текстом... Выражения заимствуются Пу Сун-лином из контекста, из связи частей с целым. Восстановить эту ассоциацию может только образованный китаец..." (I, I6).

Уже из этого высказывания видно, что цитация является одним из основных художественных приемов, используемых Пу Сун-лином. Из 494 произведений, входящих в его сборник, комментаторы^{1/} отмечают наличие цитат в 351 (т.е. в 71% произведений). Как правило, цитаты содержатся в произведениях с развернутыми описаниями, с послесловиями рассказчика, они входят составной частью в речь ученых или их сверхъестественных собеседников.

Источниками цитат является чуть ли не весь фонд китайской классической литературы, истории, философии (конфуцианские и даосские классики, династийные истории, сборники рассказов о чудесах, танские новеллы, стихи, драмы, романы). Как писал В.М.Алексеев "...вся сложная культурная ткань древнего языка, привлеченная к передаче живых образов в увлекательном рассказе" (I, I7).

Можно выделить три типа цитат, используемых Пу Сун-лином: "прямое цитирование" (I3,85), т.е. точное воспроизведение "чужого смысла"; перефразировку "чужого текста" (или – "обобщение смысла цитированного отрывка" – в терминах Ян Лю); "сокращенные знаки-указания на тот или иной "чужой текст", в каждом из которых в свернутом виде заключен их "текст-источник" (7,393).

Цитаты первого типа часто используются Пу Сун-лином для характеристики персонажа или его действий; так, например, говоря "Содеянное Второй (девочкой), пожалуй, даровано ей небом, это вне человеческих сил"^{2/}, Пу Сун-лин

1/ Имеется в виду трехтомное издание 1962 г. /II/.

2/ Эр совэй, дай тянь шоу, фэй жэнь ли е /II, I, 382/.

цитирует "Ши-цзи", приравнивая "чудеса" Второй Девочки к самооценке знаменитого полководца древности Хань Синя ("Содеянное (мною) даровано мне небом, это вне человеческих сил").

Прямая цитата может так же прояснить смысл цитируемого текста; так, в рассказе "Дева-рыцарь" забеременевшая от студента девушка говорит ему, что, когда она родит, он должен будет попросить свою мать подыскать ребенку кормилицу: "Мое положение еще не ясно^{3/}, родить вам (ребенка) я смогу, но воспитать его для вас не смогу". Подчеркнутые слова – цитата из стихотворения Ду Фу: – "Мое положение еще не ясно, как же я покажусь (будущему свекру и свекрови)" (имплицитируемый цитатой смысл: "ведь я еще не стала вашей женой").

Цитата-парафраз часто используется Пу Сун-лином для усиления экспрессивности; так, в послесловии к новелле "Дрессировщик змей", противопоставляя неблагодарности людей привязанность змеи к ее хозяину, он вводит фразу "Ся цзин фу тоу ши" – "Упал в колодец, так вдобавок еще и камень сбросят", являющуюся усеченной и модифицированной цитатой из надписи Хань Юя на могильном камне Лю Цзун-яня: "И если ты в яму упал, не только руки не дадут, чтоб спасти, но еще подтолкнут, да к тому же и камнем сверху тебя придавят"^{4/} (До сян цзин бу и инь шоу, фань цзи чжи, ю ся ши янь чжэ, цзе ши е^{5/} /II, I, 47).

Помещение модифицированной цитаты в неподходящий для нее контекст (рассчитанное на сопоставление цитирующего и цитируемого текстов) дает неожиданный эффект. Когда в но-

3/ Ци шэнь вэй фэньмин (II, I, 214).

4/ Перевод В.М.Алексеева (2, 231).

5/ Подчеркнуты идентичные по смыслу слова: глаголы со значением "падать", яма = колодцу, "к тому же и" = "вдобавок еще и", глагол "сбрасывать" (у Пу Сун-лина – тоу, у Хань Юя – ся).

велле "Студент Дун", описывающей пикантную ситуацию^{6/}, появляется слегка измененная цитата из "Цзо-чжуань"^{7/}, создается комический эффект, в тексте-источнике отсутствовавший и привнесенный в цитирующий текст снижением, "профанированием" взятой из "высокой" литературы цитаты. Чаще всего в произведениях Пу Сун-лина, наполненных литературными намеками^{8/}, встречается третий тип цитат – "сокращенные знаки-указания" на "чужой текст" (7,393). В повести о Чан Тин, кончающейся словами "Если бывают в мире "лед" и "яшма", то они, вероятно, вроде этих" (5,55), подчеркнутые слова-сигналы представляют собой литературный намек, расшифровываемый В.М.Алексеевым так: "Лед и яшма – из предания о зяте и тесте, соперничавших литературными талантами и приравненных современниками – один за чистоту, другой за "благородную сочность" – к льду и яшме" (5,453). Добавим, что если в тексте-источнике (биографии Вэй Цзе в "Истории династии Цзинь" (II,III,1340) мы имеем дело с метафорами, то в тексте Пу Сун-лина метафоры исчезают, а литературный намек, в "свернутом виде" восстанавливающий в памяти читателя сюжет текста-источника, приобретает издевательский характер, так как у Пу Сун-лина тесть и зять ненавидят друг друга.

Интересен случай концентрации цитат в послесловии к рассказу "Си-лю это знала"; подряд идет четыре цитаты, причем, первая и последняя используются метафорически,

6/ Обнаружив, что красавица, оказавшаяся в его постели – лиса-оборотень с пушистым хвостом, Дун порывается бежать, объясняя: "Я не головы боюсь, боюсь хвоста" – Во бу вэй шу, вэй вэй (II,134).

7/ Человек говорит лисе: "Боюсь головы, боюсь хвоста" – Вэй шу, вэй вэй.

8/ По-существу, литературный намек представляет собой именно "знак-указание", слово-сигнал, вызывающий у читателя определенную ассоциацию с неким литературным сюжетом, историческим событием, т.е. содержащий в себе некое сообщение в "свернутом виде".

280

вторая – знак "свернутого сюжета", – выступает как метонимия, третья – как сравнение: "Появится "черная серолевая половина" (хой синь фу)^{9/}, рождается трагедия "камышовой бахромы" (лу хуа)^{10/}. И древняя и наша жизнь – что барсуки из одного холма^{11/} ... Иные люди... постоянно норовят, что называется, "выпрямляя кривую, перейти за прямую"..."^{12/} (6,129-130).

Еще большую концентрацию цитат мы находим в предисловии Пу Сун-лина к его сборнику, причем, используются цитаты всех трех типов, вводимые по принципу сходства с идеей, темой, эмоциональной тональностью материала. В этом смысле характерно начало предисловия, цитирующее 9-й из "Девяти напевов" Цюй Юаня ("Горному духу"), за которым идет название чина, который имел Цюй Юань при чуском дворе, и название его знаменитой поэмы "Лисао". Таким образом, собственно цитата, сопровождаемая "знаками-указаниями" на ее автора, вызывает в памяти читателя не только образ Цюй Юаня – поэта "Тоски", но и обстоятельства его жизни и тематику его творчества. Таким же способом введена в текст прямая цитата из предисловия Ду Му к стихам поэта Ли Хэ, за которой следует упоминание прозвища Ли Хэ – "с длинными ногтями сублиминистр" (5,31), играющее роль ссылки, вскрывающей источник. И эти цитаты важны Пу Сун-лину тем, что они напоминают читателю о фантастических сюжетах произведений

9/ В.М.Алексеев комментирует: "Так назвал мачеху один древний автор специально посвященного мачехам трактата "О черных душах" (6,250, пр.12).

10/ В.М.Алексеев приводит историю славившегося своей сыновней почтительностью ученика Конфуция – Минь Цзы-цзяня, "терпевшего много горя от своей мачехи, которая снимала с него платье и одевала в сережки из тростника..." (6, 251, пр.13).

11/ К примечанию В.М.Алексеева: "Одного поля ягоды" (6, 251, пр.14) – добавим, что здесь прямая цитата из жизнеописания Ян Юня в "Хань-шу": Гу юй цзинь жу и цю чжи хао (II, II, 1024).

12/ Цитата взята из жизнеописания Ван Куя в "Нань-ши".

281

Цзюй Юаня и Ли Хэ^{13/}. Прямая цитата из рассказа о Цзи Кане в "Шипо синий" – "И с бесом мне придется бороться за свет" (Цимэй чжэн гуан – II, I, I), – настойчиво продолжает тему сверхъестественного у предшественников Пу Сун-лина, играя роль "отсылки к традиции" (7, 410), в данном случае – традиции рассказов и поэтических произведений о необычайном (и).

Учитывая обилие цитат, частоту их употребления^{14/} и широкий диапазон используемых источников, мы считаем, что главное не в огромной эрудиции Пу Сун-лина (13, 88), не только в его стремлении "углубить и расширить образные описания" (8, 90), но в том, что цитация у Пу Сун-лина – это способ создания поэтического языка, опирающегося на широкую традицию (факт, акцентируемый акад. В.М.Алексеевым); т.е. цитация выступает как жанро- и стилиобразующий признак, а, с другой стороны, каждая отдельная цитата функционирует как локальный семантический механизм, несущий более или менее конкретное и поддающееся экспликации сообщение (вторая функция это и есть "подтекст", как его трактует школа К.Ф.Тарановского)^{15/}.

Иную картину мы видим в коллекции Цзи Юня "Юэвэй цаотан бицзи" ("Заметки из хижины Великое в малом"). Цитаты обнаружены нами лишь в 231 произведении из 1193 (т.е. в

13/ В обоих случаях мы имеем дело с "отношениями метонимичности": цитата выступает как "знак творчества данного автора" (7, 396).

14/ Во многих произведениях сборника встречается по несколько цитат, иногда – более десяти ("Я-тоу", "Великий князь девяти гор", "Цяо-нян", "Красная яшма" и др., не говоря уже об описании литературных игр или чтения вслух стихов, предполагающих обильное цитирование, как в "Бо Цюань любила стихи" и др.).

15/ См. , в частности (14; 15).

11% произведений)^{16/}. Бросается в глаза очень большая концентрация цитат в заметках (произведениях, лишенных событийного ряда)^{17/}, причем, цитаты здесь функционально играют роль "ссылки", т.е. используются, как в научной литературе. Такую же роль они играют и в сюжетных произведениях Цзи Юня. Так, например, в рассказе № 9 он использует цитату из "Лунъюя" и слова Чжугэ Ляна, чтобы этими авторитетами подтвердить свою, авторскую точку зрения, высказываемую устами его персонажа (10, 154–155).

Поскольку Цзи Юню важно было доказать не только то, что описываемые им случаи наказания людей за грехи сверхъестественными силами вообще имели место, но что такие случаи происходили в самое разное время, т.е., что они закономерны, он "подтверждает" свои рассказами цитатами: в рассказе № 503 три цитаты из старинных сборников о необычайном (12, II, 115–116), в рассказе № 915 он подкрепляет

16/ Конечно, подсчеты такого рода очень приблизительны, т.к. скрытые цитаты могут легко быть пропущены исследователями и комментаторами. Мы ориентировались на комментированное издание "Ляо Чжай чжи-и" и на собственные указания Цзи Юня в его коллекции. Допуская неполноту этих источников, мы все же считаем, что различие такого порядка (71% и 11%) значимо. Следует отметить, что как ни незначительны эти 11% по сравнению с использованием цитат Пу Сун-лином, эта цифра намного превышает данные по сборнику Юань Мэя "Цзы бу юй" ("О чем не говорил Конфуций").

17/ Так в заметке № 665 9 цитат (6 "прямые цитаты" и 3 – парафразы), в заметке № 786 – 13 цитат из трудов сунских неоконфуцианцев (10, 334–337; 10, 358–364).

свою назидательную сентенцию цитатой из "Мэн-цзы"^{18/}(I2,III, 56). Рассказывая (№ 22) о человеке, который не испугался нечисти, а посмеялся над ее безобразной внешностью, Цзи Юнь, чтобы подчеркнуть очень важную для него мысль о том, что человеку с чистой и твордой душой нечего бояться нечисти, приводит высказывание Сюнь Ши^{19/} о поэте Цзи Кане: "Его сердце было таким твердым и спокойным, что бес, устыдившись, убрался восвояси"(I0, I65–I66). Таким образом, современник Цзи Юня сравнивается с поэтом древности; в действие вступает закон диахронии: событие, отнесенное в рассказе ко времени жизни Цзи Юня, находит себе аналогию в событии, описанном цитатой, взятой из значительно более раннего источника. Тем самым, цитата "работает" на концепцию Цзи Юня о постоянном действии "нравственного закона" отношений в обществе^{20/}. Цитата выступает как "доказательство" или "подтверждение" какого-либо случая или идеи, как "свидетельство" закономерности описываемого события, имевшего прецеденты в далеком прошлом, засвидетельствованные надежными источниками. Возможно, что именно из-за подобной функции цитат Цзи Юнь почти всегда указывает на их источники и так тщательно выбирает для этого наиболее авторитетные или широко известные тексты^{21/}.

Таким образом, в отличие от Пу Сун-лина, который не выделял цитат, органически вливавшихся в текст его повествования, Цзи Юнь делал установку на открытую цитацию; думается, что эта установка связана с основным отличием между функциями цитат у Цзи Юня и Пу Сун-лина, заключающемся в том, что цитата у Цзи Юня, как правило, не несет нового сообщения, а служит аналогией – ссылкой научного типа.

Чаще всего мы находим у Цзи Юня цитаты, точно воспроизводящие отрывки "чужого текста", в котором содержится та же идея, что и в цитирующем тексте. Так, в рассказе № 46 назидательная сентенция историографа Цай Цзи-ши, завершающая рассказ, подкрепляется цитатой из стихотворения Чжу Си, как бы подтверждающей мысль о том, что люди (и души мертвых) губят себя, стремясь к недостижимому, а подчас и нелепо желая (I0, I81–I82). Этой же цели служит в рассказе № 474 остроумно использованная цитата из "Лунъюя", вложенная в уста лисы, которая преподавала нравственный урок хозяину дома, где она жила много лет (I0, 296).

Лишь в нескольких случаях мы имеем дело с некоторым "сдвигом" цитируемого текста, на который повлиял контекст текста цитирующего. Так, в рассказе № 510 ученики во время длившегося несколько часов ливня спросили старого начетчика: – "Какое же "разумное начало" заложено в этом ливне? – Отвернувшись к стене, начетчик ответил: – Учитель не говорил о чудесах"(I0, 303). Цитата из "Лунъюя" (УП, 20) – "Учитель (Конфуций) не говорил о чудесах, о проявлении силы, о смутах и сверхъестественных существах" – помещена в "неподходящий" для нее контекст и благодаря этому приобретает пародийную окраску: происходит противопоставление неконфуцианской точки зрения на "разумное начало" (которое должно быть присуще и ливню) и обреченной на провал попыткой начетчика подтвердить эту точку зрения ссылкой на классический конфуцианский

21/ Цзи Юнь широко цитирует конфуцианский классический канон, династийные истории, труды неоконфуцианцев (особенно Чжу Си и братьев Чэн); встречаются также цитаты из сборников о необычном; довольно много стихотворных цитат (особенно в тех рассказах, где обсуждаются стихи, написанные "нечистой").

18/ "Мэн-цзы", видимо, был одним из самых авторитетных источников для Цзи Юня; любопытно, что он даже использует одну и ту же цитату дважды (Мэн-цзы, УП, I, §2): в рассказе № 162 цитата дана в полном виде ("Все имеет свою судьбу. Надо покорно принимать то, что предписано (небом). Поэтому тот, кто знает веления (неба), не становится под стеной, грозящей обвалом") (I2, I, 97); в № 436 цитата дана в усеченном виде (I0, 292). В № 37, видимо, тоже имплицитно подразумевается эта цитата из "Мэн-цзы" (I0, I74–I75).

19/ В сборнике "Линь гуй чжи" ("Записки о духах и бесах", IV в.).

20/ Подробно см. (I0, 80–97).

канон^{22/}.

Не меньшее место, чем "прямые цитаты", занимают перефразированные цитаты, служащие тем же целям – подтверждения, доказательства мысли. Самый факт перефразировки цитаты не отражается на семантике ни цитирующего, ни цитируемого текста.

В отличие от Пу Сун-лина, Цзи Юнь очень редко пользуется словами-сигналами, "сокращенными знаками-указаниями"^{23/}, точно так же он редко пользуется цитатами в оценочной функции.

Относительно небольшой удельный вес цитат в корпусе

22/ Ср. пародийное использование цитат из конфуцианских классиков Пу Сун-лином (4,53; 8,92), с той разницей, что Цзи Юнь смеется не над текстом-источником, а над использующим его начетчиком ("укрывающимся" за этим текстом).

23/ Примечательны исключения в № 429, где Цзи Юнь, характеризуя историографа Лю Го-ши, пишет: "На закате дней он жил дома и за определенную цену принимал учеников. С бедных брал лишь то немногое, что они могли принести ему; он ел немного сушеных овощей, а короб вареного риса часто бывал пустым, но он не горевал" (10,289). Первая фраза вызывает в памяти "Луньши" (У,7): "Начиная с людей, приносивших лишь связку сушеного мяса, я никогда никому не отказывал в поучениях", – говорил Конфуций; вторая фраза – образ Тао Юань-мина ("В корзине, в тыквине бывало пусто, но он был равнодушен и не тужил" – пер. В.М.Алексеева (2,178). Незнакомые Цзи Юнем имена возникают в памяти читателя благодаря "знакам-указаниям" на "чужой текст", эти имена содержащий или тесно связанный с ними. С такими "отношениями метонимичности" (в терминах З.Г.Минц) мы встречаемся и в № 10 (10,155–157), где само название песни "Шичина" – "Почтение правителю" заменяет ее содержание, (вернее, является знаком содержания отрывка этой песни, говорящего о том, что сверхъестественные силы всегда следят за поведением человека).

текстов Цзи Юня и та роль, которую они играют в тексте, не позволяют говорить (как в случае со "Странными историями Ляо Чжай"), что цитаты являются знаком установки на цитацию. Так же как проблематика произведений Цзи Юня, их язык и стиль, неотъемлемой частью которого являются цитаты, апеллировали к понятийному, а не к эстетическому восприятию. Вероятно, поэтому мы и находим в его коллекции так мало литературных намеков и цитат.

Цитация как художественный прием, безусловно, отражала авторские "установки" Пу Сун-лина и Цзи Юня, проявляющиеся на различных уровнях (как в плане содержания, так и в выборе художественных средств) и придающие всему сборнику некий "единый смысл", делающие сборник единой идейно-художественной системой (9,П,217–224).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев В.М., Предисловие, – Ляо Чжай, Лисьи чары, Пб., 1922.
2. Китайская классическая проза в переводах академика В.М.Алексеева, М., 1958.
3. Ляо Чжай, Лисьи чары, Пб., 1922.
4. Ляо Чжай, Монахи-волшебники, М.-Пг., 1923.
5. Ляо Чжай, Рассказы о людях необычайных, М.-Л., 1937.
6. Ляо Чжай, Странные истории, Л., 1928.
7. Минц З.Г., Функция реминисценции в поэтике Блока, – "Труды по знаковым системам", УИ, Тарту, 1973.
8. Устин П.М., Некоторые особенности поэтической цитаты в новеллах Пу Сун-лина, – сб. "Вопросы китайской филологии", М., 1974.
9. Фишман О.Л., К проблеме "системного" изучения бицзи, – III и ПИКНВ. XII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения), М., 1977.
10. Цзи Юнь, Заметки из хижин Великое в малом, М., 1974.
11. Пу Сун-лин, Ляо Чжай чжи-и ("Странные истории Ляо Чжай"), Пекин-Шанхай, 1962, тт. I–III.
12. Цзи Юнь, Юэвэй цаотан бицзи ("Заметки из хижин Великое в малом"), Шанхай, 1923, тт. I–III.
13. Ян Лю, "Ляо Чжай чжи-и" яньцзю (Исследование "Странных

историй Ляо Чжяя"), Нанкин, 1958.

- I4. Ronek O., Подтекст, лексический повтор и смысл в поэзии
Мандельштама, – "Slavic Poetics", The Hague, Paris, 1973.
- I5. Taranovsky K., Essays on Mandelstam, Cambridge, Mass., 1
1976.